

УДК 321.01

Наскина И.А.

Тирания и мудрость — взаимовыгодный союз или вечная борьба? Проект А. Кожева

Наскина Ирина Андреевна, аспирант кафедры философии политики и права Философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

E-mail: stukalova-irin@yandex.ru

Статья посвящена системной концептуализации власти, предпринятой Александром Кожевом и воплощенной им в концепции «универсального и гомогенного государства». В центре внимания автора — принципы устройства идеального государства, сформулированные французским философом русского происхождения, а также вопрос о достойном правителе, ключевой фигуре в концепции Кожева.

Ключевые слова: Александр Кожев, власть, конец истории, современная французская философия, «универсальное и гомогенное государство», Тиранин, Мудрец.

Александр Кожев (Alexandre Kojève; настоящее имя Александр Владимирович Кожевников, 1902 – 1968), философ-неогегельянец

История жизни А. Кожева, автора социально-политической концепции, оказавшей значительное влияние на европейскую философскую мысль и интеллектуальную атмосферу Франции XX в., заслуживает внимания уже по той причине, что выходец из интеллигентной московской семьи стал одним из наиболее успешно профессионально реализовавшихся за рубежом отечественных эмигрантов. Александр Владимирович Кожевников, племянник знаменитого В.В. Кандинского, вошёл в историю мировой философской мысли в первую очередь как оригинальный интерпретатор философии Гегеля. Он заставил слушателей своих лекций 1933–1939 гг. в Высшей школе социальных наук абсолютно по-новому взглянуть на идеи известного немецкого философа. Однако его собственное теоретическое исследование относительно природы властных отношений и государственном устройстве, максимально близком к идеальному, и сегодня даёт исследователям немало пищи для размышлений. В 1920 г. в связи с обострившимися отношениями с ВЧК (Все-российская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем) двадцатилетний Александр Кожевников вынужден был покинуть Советскую Россию, переехав в Европу. Получив образование и защитив выполненную под руководством К. Ясперса диссертацию в Германии, мыслитель перебирается во Францию, которая и стала местом расцвета его дарований как преподавателя и как политического деятеля. Сферой его научных интересов были история философии и философия науки, восточные языки, дипломатия и право. С тех пор, как обосновывается в Париже и принимает французское гражданство, Кожевников меняет свою

фамилию на французский манер, и становится Александром Кожевом. В годы Второй мировой войны он участвовал в Движении Сопротивления, а после её завершения получает должность в Министерстве внешнеэкономических связей Франции. В ходе работы во французском правительстве философ участвовал в разработке важнейших экономических и политических договоров, консультировал первых лиц государства. Защищая интересы Франции, отстаивая политическую, экономическую и культурную самобытность Европы в пику набирающей популярность американской модели развития, Александр Кожев был даже награждён орденом Почётного легиона.

Александр Владимирович возродил интерес к концепции конца истории, поднимавшейся в разное время Блж. Августином, Г.В.Ф. Гегелем, К. Марксом, Вл. Соловьевым и ставшей впоследствии популярной среди философов конца XX в. Представления философа о вершине развития человеческой цивилизации воплотились в его теории «универсального и гомогенного государства». Он понимал историю как рациональный и закономерный непрерывный процесс. Становление и развитие общества воплощено в многоступенчатой эволюции, в ходе которой происходит бесконечная борьба людей за признание, за превращение в объект желания Другого. Человек в полном смысле слова становится таковым, лишь трансформируя свою врождённую природную сущность, решившись на преодоление, на битву не на жизнь, а на смерть во имя изменения окружающей действительности, познания и утверждения собственной личности. Подобная борьба внутри человека, а также между индивидами в обществе составляет суть жизни. Неизбежная включённость во властные отношения, в той или иной их форме, также обусловлена, по мнению мыслителя, именно тем, что человеком руководит врождённое

желание желания, которое является источником постоянной политической борьбы. Конец истории раскрывается через достижение всеобъемлющей системы совершенного знания, осуществление высшего идеала человека и формирование «универсального и гомогенного государства». Антропогенная борьба на основе диалектики раба и господина провоцирует введение в политико-правовой части концепции А. Кожева понятия «Тиран», синонимичного термину «правитель». Действительность абсолютного духа, таким образом, воплощается в конечном, или человеческом, самосознании, дерзнувшем выйти на тропу войны, преодолевшем множество препятствий, осознавшем свою смертность, но доказавшем превосходство над другими Я. Свободную историческую индивидуальность, которая синтезирует потенциальные возможности Раба и Господина, воплощает в себе образ Гражданина: «Эта эволюция есть не что иное, как история человечества, ведущая к совершенной нейтрализации, к окончательному равновесию господства и рабства, проходя через промежуточные стадии с преобладанием то одного, то другого составляющего его элемента»¹.

В рамках идеального государства «для каждого человека становится достижимым статус Мудреца, то есть совершенно разумного и нравственного существа, способного решать любые теоретические и практические проблемы»². Кожев смог на собственном опыте убедиться в необходимости союза знаний и практики, который даёт политическому актору стратегическое видение международных и внутрисостоятельных задач. Подобные навыки крайне полезны для лидера, желающего принести максимальное благо жителям своего государства. Подтверждая преимущества правителя-Мудреца, А. Кожев приводит следующие доводы: «философ является наилучшим экспертом в искусстве диалектики или ведения дискуссии вообще: он лучше своего собеседника-«профана» видит недостатки аргументации последнего, он лучше него способен оценить собственные аргументы и опровергнуть возражения других... искусство диалектики позволяет философу... освободиться от предрассудков. Поэтому он более открыт реальности как таковой, менее зависим в любой данный исторический момент от того, как люди представляются самим себе... будучи более открытым реальности, он ближе «профана» подходит к конкретному...»³. Он способен помочь гражданам государства выработать определённый взгляд на окружающую их действительность, наметить путь дальнейшего развития и поддерживать стабильные благоприятные отношения с правителями соседних стран. Мудрец вполне может как самостоятельно являться правителем, так и участвовать в правлении косвенным образом. Фактически решение о собственном политическом статусе он принимает исходя из своих жизненных ориентиров. Выбор для мыслителя одного из возможных вариантов, а именно: бесконечный поиск мудрости или же практическая политическая деятельность, обусловлен онтологической возможностью человеческой свободы: «сущностная временность и конечность человека принуждает его выбирать между различными экзистенциальными возможностями, что и делает его свободным...»⁴. Государство останется в выигрыше в любом случае, так как, выявляя закономерности человеческого существования, Мудрец не может обойти вниманием вопросы устройства политической системы общества. Правитель, в свою очередь, может использовать эти знания или же, наоборот, игнорировать. В конечном итоге: «...история выступает как последовательность политических действий, прямо или косвенно направляемых эволюцией философии»⁵. Мыслитель силой своего слова с необходимостью участвует в движении исторических процессов.

Стоит также упомянуть о том, что А. Кожев разделяет философию на умение задавать актуальные вопросы и самостоятельно отвечать на них, то есть конкретное знание, и мудрость как коллективное достижение всего человечества на определённом этапе исторической эволюции, совершенное и абсолютное знание. Ну, а «...пока исторический процесс продолжается, возможно только стремление к «мудрости», т.е. философия...»⁶.

Помимо положительных практических последствий взаимодействия мудрости и власти, существуют также благоприятные теоретические основания. «Невозможно установить «нормальную психологию» политической Власти, не имея представления о её морали, а это, со своей стороны, предполагает знание политической реальности Власти в форме Государства. И всё это предполагает философский анализ феномена Власти как таковой (независимо от того, в какой форме она осуществляется – политической, религиозной или какой-нибудь другой)»⁷: по Кожеву, комфортный психологический климат внутри государства и высокий уровень аналитических способностей политических акторов, принимающих участие в его управлении – гарантия его эффективного функционирования и успешного развития.

Однако близость власти таит в себе немало искушений. Кожев и сам замечает: «...отправление (человеческой) Власти с необходимостью предполагает элемент риска для того, кто её практикует – уже потому, что он её практикует; он рискует её утратить вместе со всем тем, что из этого проистекает»⁸. Работая над своей теорией, мыслитель успел поменять взгляды относительно положения человечества на постисторическом пространстве с позитивных на резко отрицательные. К середине 1950-х гг. он всё больше склонялся к наиболее пессимистичному варианту развития событий. Столь желанное царство Гражданина и правление Мудреца, разумного и нравственного существа, способного решать актуальные теоретические и практические проблемы, в его работах всё чаще превращалось во время «последнего человека». Реализовав концепцию идеального государства, человек начинает своё падение и рискует превратиться в маленькое счастливое животное, самодовольно потребителя, центром интересов которого станут исключительно дела насущные: ««Конец истории» означает поэтому и «конец человека», так как некое самодостаточное существо будет принципиально отличаться от

¹ Кожев А. Очерк феноменологии права // Атеизм и другие работы / Пер. с фр. А.М. Руткевича и др. М.: Практикс, 2006. С. 303–304.

² Кожев А. Атеизм и другие работы / Пер. с фр. А.М. Руткевича и др. М.: Практикс, 2006. С. 42–43

³ Кожев А. Тирания и мудрость // Атеизм и другие работы / Пер. с фр. А.М. Руткевича и др. М.: Практикс, 2006. С. 342.

⁴ Там же. С. 345

⁵ Там же. С. 382.

⁶ Кожев А. София – философия и феноменология // Историко-философский ежегодник'2007 / Ин-т философии РАН. М.: Наука, 2008. С. 324.

⁷ Кожев А.В. Понятие власти / Пер. с фр. А.М. Руткевича. М.: Практикс, 2007. С. 145.

⁸ Там же. С. 24.

тех, кто жаждал, страдал и умирал в борьбе»¹. Человек создаёт самого себя в творческом акте действия, в ходе которого в мир проникает новизна, происходит динамическое развитие всей системы общества. Когда процесс становления исторического бытия завершается, люди могут вновь вернуться к исходному животному состоянию. Осознанные стремления и желания уступят место простым биологическим потребностям. Ведь, чем больше наше сознание и физическая сущность потребляют, тем большая потребность потребления возникает: «он прекращает быть подлинно человеческим; он становится животным, быть может, животным “ученым” и достаточно “усложненным”, совершенно непохожим на всех прочих природных существ, но не являющимся чем-то по существу “отличным” от них»². Недаром идеи Кожева легли в основу «террористической концепции истории», согласно которой реальность представляет собой бесконечную, подчас крайне жестокую, борьбу между людьми за тленные земные блага, обладание которыми всё же не способно сделать их счастливыми.

В случае подобного исхода, правитель волевым решением обязан реализовать себя как гаранта существующих устоев общества, актуализируя общегражданские ценности и оберегая многовековой опыт предков. Альянс Тирана и Мудреца в период постистории призван отвечать за сохранение абсолютной полноты знаний, накопленных человечеством за весь предшествующий период развития: «... процесс создания гомогенного государства контролируется тираном (фигурой для Кожева весьма положительной), который следит за тем, чтобы достижения исторического периода не были снова утрачены, следит за сохранением status quo и для этой цели в случае необходимости применяет насилие»³. Мыслитель утверждал, что, если на определённом этапе исторического развития конкретной стране с необходимостью потребуется введение режима авторитаризма, а может и тоталитаризма, то, во имя всеобщего блага и процветания государства, возможно обращение к этим видам политических режимов.

В своих статьях, а также в докладной записке Шарлю де Голлю «Набросок доктрины французской политики» от 27 августа 1945 г., мыслитель подчёркивает необходимость создания на базе союза европейских государств новой империи, по-настоящему крепкого сотрудничества стран с общими интересами, целями и задачами: «Чтобы быть политически жизнеспособным, современное государство должно опираться на "широкий" "имперский" союз родственных наций. Современное государство только тогда является государством, когда оно является Империей»⁴. Разрабатывая данную идею в 1945 г., Кожев представил её в качестве так называемой Латинской империи, которая олицетворяла собой политический и экономический союз католических стран Европы, прежде всего французской, итальянской и испанской наций, опирающихся на единую армию. Реализация концепции «универсального и гомогенного государства» влечёт за собой установление мирового порядка, политической, экономической и культурной унификации. Социальные взаимоотношения в государстве подразумевалось полностью подчинить праву, суть которого выражается в универсальной идее всеобщей справедливости и равноправия. А власть, по мнению мыслителя, должна реализовываться за счёт динамического единства отдельных своих ветвей и частей, способных эволюционировать и оперативно реагировать на вызовы внешнего мира. «Политическая эволюция начинается тем самым с недифференцированного единства (единства зародыша), притом через период разделения и развития разделённых элементов, чтобы завершиться в тотальности, т.е. в дифференцированном единстве (единстве взрослого организма)»⁵, – так А. Кожев описывает стадии становления политической истории человечества.

Он ратовал за становление сильной Европы в виде федерации государств. Вспоминают, как он, говоря о необходимости европейской интеграции, приводил «аргумент Жанны д'Арк». В период Столетней войны крупные феодалы вели непрестанную борьбу, боролись за независимость своих городов. На этом фоне объединить Францию сумела королевская власть, вдохновленная Жанной и сделавшая определённые уступки в пользу привлечения к реализации власти выходцев из различных слоёв общества. Однако уже при Ришелье режим абсолютизма был восстановлен полностью на долгие годы. По мнению Кожева, если бы феодалы смогли договориться, создать единое экономическое и фискальное пространство, поступившись малой частью своего владения, то абсолютная монархия не была бы неизбежной. В середине XX в. абсолютизм предстает для мыслителя в виде коммунистической империи, которая пользуется тем, что западноевропейские страны остаются в плену национального эгоизма, хищнически эксплуатируют колонии, готовя там тем самым кадры для коммунистической революции⁶. Задача европейского сообщества, таким образом, состоит в том, чтобы суметь найти точки соприкосновения со странами-соседями на основе экономической и культурной близости. Единство языка, менталитета и даже климата должно раскрыть механизмы становления политической сущности всего человечества в рамках транснациональных политических объединений: «Предполагается просто то, что человечество достигнет когда-нибудь идеального, т.е. окончательного... строя социальной политической жизни. В этот момент история (в обычном смысле слова) действительно остановится: не будет больше войн и революций или вообще изменений общественно-государственного строя. История как бы переключается из реального мира в (исторические) книги. Человечество, остановившееся в своём реальном историческом развитии, переходит как бы к повторению пройденного, «вспоминая своё прошлое», т.е. изучая свою (законченную) историю. И таким образом замыкается круг реального временного развития, показывая этим, что оно исчерпало свои возможности»⁷.

Доктрина «универсального и гомогенного государства» роднит А. Кожева с античными философами, создававшими умозрительные конструкции идеальных государств, но так и не сумевшими их реализовать. По-

¹ Руткевич А.М. PAX EUROPEANA (К столетию со дня рождения Александра Кожева) // Вестник Европы, 2002. № 5.

² Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля / Пер. с фр. и посл. И. Фомин. М.: Издательство “Логос”, 1998. С. 75.

³ Жубара А. Идея конца истории: Вл. Соловьёв и А. Кожев // Владимир Соловьёв и культура Серебряного века: К 150-летию В. Соловьёва и 110-летию А.Ф. Лосева. М., 2005. С. 398.

⁴ Кожев А. Набросок доктрины французской политики (27 августа 1945 г.) // Прогнозис. 2005. №1. С. 20.

⁵ Кожев А. В. Понятие власти. С. 129.

⁶ См.: Руткевич А.М. Указ. соч.

⁷ Кожев А. София – философия и феноменология. С. 322.

пытка воплощения модели идеального государства, основанной на высшей ценности Правды и Блага, у Платона сопровождалась конфликтом Тирании и Мудрости и завершилась полным провалом. Макиавелли, а вслед за ним и Кожев, сумели в своих концепциях и на практике продемонстрировать возможность их успешного взаимодействия. Оба они говорят об активной жизненной позиции Человека, призванного действовать в соответствии со временем, жить во времени, совершенствовать себя и мир. Идеальный государь также выполняет задачи, которые ставит перед ним конкретная историческая действительность. А. Кожев высоко оценивал роль правителя в ходе исторического развития любого государства. Это определяет и оправдывает возможность проявления твёрдости характера, категоричности в принятии важнейших государственных решений. Мыслитель вывел для себя формулу успешного сочетания теоретических политологических знаний с прикладными навыками управления государством, применение которой могло бы способствовать стабилизации политической ситуации в Европе и мире в целом. Ведь в конечном итоге, «сама история позаботится о «суде» над деяниями государственных деятелей или тиранов (их «успехе» или «удаче»), осуществляемых (сознательно или нет) согласно идеям философов, приспособляемых к применению на практике интеллектуалами»¹.

Теория А. Кожева, в частности, нашла своё реальное отражение в процессах европейской консолидации после Второй мировой войны. В 1948 году он был назначен секретарём Организации экономического сотрудничества и развития - совещательного, но имеющего значительный вес на политической арене международного института, координирующего сферы бизнеса и политики. Первостепенной задачей ОЕЭС была провозглашена экономическая интеграция Западной Европы, создание обширного рынка с отказом от количественных ограничений на перераспределение товаров, упразднением таможенных пошлин, валютных барьеров и тарифных преград. В рамках своей административной работы Кожев участвовал в обсуждении всех важнейших соглашений по международной торговле, а также в деятельности по созданию Общего европейского рынка, страны-члены которого стремились снять ограничения по передвижению людей и материальных капиталов в рамках сформировавшегося сообщества. Он видел перспективы развития зарождающегося Европейского экономического сообщества, на основе которого позднее сформировался Евросоюз, в механизмы «универсального и гомогенного государства», разработкой теоретических конструкций которого мыслитель занимался почти всю свою жизнь.

Проблемы осмысления идеи Единой Европы и на современном этапе беспокоят всё мировое сообщество. Актуальная задача выбора конструктивной модели общественно-политического европейского устройства не может быть решена в отрыве от многовекового опыта развития человечества. Акцентируя внимание на проблемах гражданских ценностей и общеевропейской идентичности, от которых существенным образом зависит «содержательное наполнение» европейской политики, А. Кожев обосновывал эффективность государственных институтов, глобальных проектов развития человеческой нации. Его вклад в становление современной сильной Европы очевиден. Немалая заслуга мыслителя заключается в том, что Франция, которая уже в XVIII в. являлась центром панъевропейского движения, и сегодня играет ведущую роль в процессе европейской интеграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жубара А. Идея конца истории: Вл. Соловьёв и А. Кожев // Владимир Соловьёв и культура Серебряного века: К 150-летию В. Соловьёва и 110-летию А.Ф. Лосева / Отв. редакторы: А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2005. С. 397–401.
Zhubara A. (2005). Ideya kontsa istorii: Vl. Solov'ev i A. Kozhev. In: Vladimir Solov'ev i kul'tura Serebryanogo veka: K 150-letiyu V. Solov'eva i 110-letiyu A.F. Loseva. Otv. redaktory: A.A. Takho-Godi, E.A. Takho-Godi. Nauka, Moskva. Pp. 397–401.
2. Кожев А.В. Атеизм и другие работы. М.: Праксис, 2007. 512 с.
Kozhev A.V. (2007). Ateizm i drugie raboty. Praksis, Moskva. 512 p.
3. Кожев А.В. Идея смерти в философии Гегеля / Пер. с фр. и посл. И. Фомин. М.: Логос; 1998. 208 с.
Kozhev A.V. (1998). Ideya smerti v filosofii Gegelya. Per. s fr. i posl. I. Fomin. Logos; Moskva. 208 p.
4. Кожев А.В. набросок доктрины французской политики (27 августа 1945 г.) // Прогнозис. 2005. № 1. С. 12–54.
Kozhev A.V. (2005). Nabrosok doktriny frantsuzskoi politiki (27 avgusta 1945 g.). Prognozis. N 1. Pp. 12–54.
5. Кожев А.В. Понятие власти / Пер. с фр. А.М. Руткевича. М.: Праксис, 2006. 192 с.
Kozhev A.V. (2006). Ponyatie vlasti. Per. s fr. A.M. Rutkevicha. Praksis, Moskva. 192 p.
6. Кожев А. София – философия и феноменология // Историко-философский ежегодник'2007 / Ин-т философии РАН. М.: Наука, 2008. С. 276–324.
Kozhev A. (2008). Sofiya – filosofiya i fenomenologiya. In: Istoriko-filosofskii ezhegodnik'2007. In-t filosofii RAN. Nauka, Moskva. 2008. Pp. 276–324.
7. Руткевич А.М. PAX EUROPEANA // Вестник Европы. 2002. № 5. С. 100–115.
Rutkevich A.M. (2002). PAX EUROPEANA. Vestnik Evropy. N 5. Pp. 100–115.
8. Эткинд А. Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. С. 7–41.
Etkind A. (2001). Novyi istorizm, russkaya versiya. Novoe literaturnoe obozrenie. N 47. Pp. 7–41.

¹ Кожев А. Тирания и мудрость. С. 386.